
РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. О. Тындик

Статья посвящена исследованию репродуктивных установок населения в современном российском обществе на базе обследования РиДМиЖ. В работе проанализирована взаимосвязь между различными элементами репродуктивного поведения, в том числе трансформация неудовлетворенной потребности в детях в репродуктивные намерения на конкретный период времени. Раскрыта вариация разрыва между желаемым и фактическим числом детей по социальным (образовательным) группам населения. Самый высокий разрыв наблюдается среди мужчин и женщин с высшим образованием. Это означает, что у этой группы населения наибольший потенциал повышения рождаемости. Автор полагает, что этот потенциал может быть реализован при условии проведения мер семейной политики в отношении баланса семьи и родительства, наиболее востребованной именно этой группой.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, желаемое число детей, российские семьи, анализ данных опроса РиДМиЖ

Трансформация репродуктивного поведения населения в развитых странах характеризуется такими общими тенденциями, как снижение числа детей на одну женщину и повышение среднего возраста материнства. Это объясняется как изменением ценностей в отношении числа детей в семье, так и разрывом между нормативными представлениями населения и его фактическим репродуктивным поведением. Однако этот процесс идет разными темпами и имеет свои особенности в каждой из стран. В частности, при схожем уровне рождаемости наблюдаются существенные различия по структуре семей – Россия характеризуется низкой долей бездетных семей и семей с тремя и более детьми, и, напротив, очень высокой долей однодетных семей [Frejka, 2008]. Поскольку в обществе по-прежнему преобладают установки

на двухдетную модель семьи, это означает, что в фактических условиях они реализуются не полностью.

Недостижение желаемого числа детей связано с рядом социально-экономических причин – в первую очередь, с растущей ценой времени женщины. Вследствие роста занятости женщин и повышения их образовательного уровня макроэкономическая и социальная инфраструктура была переориентирована на двухдоходные семьи, что сделало традиционную модель семьи («мужчина-добытчик, жена-домохозяйка») экономически невыгодной. Рост косвенных издержек рождения ребенка, равно как и конкуренция этого события с другими этапами жизненного цикла, сдвигают вступление в родительство к более поздним срокам, и – нередко – приводят к снижению числа детей в целом. Это происходит на фоне развития постматериалистических ценностей (по определению Р. Инглехарта), при которых на первый план как у мужчин, так и у женщин выходят потребности самореализации и высокого качества жизни, так как удовлетворение базовых обеспечивается гораздо легче за счет экономического и технологического развития общества [Inglehart, 1997]. Конкуренция потребностей вызывает изменение представлений о желаемом числе детей, что в свою очередь приводит к снижению детности семей. Многие исследователи отмечают ослабление давления социальных норм общества (прежде всего норм в отношении семьи и брака), рост личностной независимости и развитие потребностей «более высоких порядков» [Sobotka et al., 2003; Lesthaeghe, Neidert, 2006]. основополагающим фактором модернизации общества выступает образование, которое приводит к изменению всего комплекса социальных норм поведения, в том числе репродуктивного. В связи с этим индивидуальные предпочтения в отношении числа детей и сроков их появления являются ключевыми вопросами для исследования рождаемости в странах, прошедших второй демографический переход.

Принятие решения о рождении ребенка происходит в условиях неопределенности, поэтому люди в целом склонны переоценивать будущую рождаемость. Репродуктивные установки, измеренные через желаемое и ожидаемое число детей, в странах с рождаемостью ниже уровня простого воспроизводства населения задают верхнюю планку фактической рождаемости. При условии, что репродуктивные установки имеют тенденцию сохраняться на одном и том же уровне или тем более снижаться, едва ли стоит надеяться на существенное повышение рождаемости в будущем. Речь может идти только о теоретической возможности сокращения разрыва между фактическим средним уровнем рождаемости и средним уровнем желаемого числа детей. Обращая внимание на наличие этого разрыва во всех странах, эксперты говорят о возможном поле действий для демографической и семейной политики с целью повышения рождаемости.

Основная задача данной работы – исследование установок в отношении числа детей в семье в современном российском обществе и их трансформации в фактическое поведение. В рамках решения этой задачи автор задавалась вопросами о взаимосвязях между различными элементами репродуктивного поведения. Исследование проводилось на базе репрезентативного социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (далее – РИДМиЖ).

Теоретические подходы к измерению репродуктивных установок

Процесс изменения норм репродуктивного поведения позволяет описать комбинирование показателей желаемого, ожидаемого и фактического числа детей для групп населения, находящихся на разных стадиях демографического перехода [см. Testa, Grill, 2004; Vienna Yearbook, 2011]. Основным подходом в отечественной демографии остается теория репродуктивного поведения [Зверева, 2000], в западных странах исследования в настоящее время ведутся преимущественно в рамках теории планируемого поведения¹ [Ajzen, Fishbein, 1980]. Дискуссия о репродуктивных установках с самого начала шла вокруг методологии их измерения, обоснованности и надежности использования тех или иных показателей – чаще всего идеального, желаемого и ожидаемого числа детей². В настоящее время большое внимание уделяется трансформации установок детности в намерения на конкретный период времени [Testa, Sobotka, Morgan, 2011].

В развитых странах взаимосвязь между установками, планами и реальным поведением в репродуктивной сфере исследуется не одно десятилетие. Относительно идеального размера семьи отмечалось, что он носит абстрактный характер, поэтому слабо связан с фактическим опытом деторождения [van de Kaa, 2001] и слабо реагирует на колебания рождаемости. Нередко он дополняется вопросом об идеальном возрасте рождения ребенка, так как календарь рождений выступает не менее важной характеристикой рождаемости, чем ее количественные показатели.

Российская демография накопила значительный опыт в изучении предпочтений различных социальных групп в отношении числа детей и в сравнении этих предпочтений с фактическим числом детей. Ключевым

¹ В частности, можно отметить крупный текущий проект Венского института демографии – REPRO (От намерения к поведению: принятие репродуктивных решений в макро- и микроперспективе) [Vienna Yearbook... 2011].

² Формулировки вопросов варьируют от обследования к обследованию, но в целом под идеальным числом детей понимается то их число, которое, по мнению респондента, идеально иметь вообще; под желаемым – сколько детей сам респондент имел бы при всех необходимых условиях; под ожидаемым – сколько детей он собирается иметь всего.

понятием в рамках отечественного подхода является понятие потребности личности в детях [Архангельский, 2006]. Именно она формирует репродуктивную установку. Потребность в детях численно выражена через систему трех показателей. Здесь идеальное число детей – когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое – когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое – практическая компонента (установка действия) [Борисов, 1976]. Характерной чертой практического воплощения данного теоретического подхода выступают рекомендации включать в обследования все три вопроса и желательно подряд. Считается, что только в этом случае респондент будет различать эти понятия, в то время как при неполном наборе вопросов создается возможность для их смешения. Согласованность показателей отражает гармоничность установки в целом, а «более гармоничные установки более устойчивы, и семейные планы в этом случае точнее реализуются»¹ [Белова, Дарский, 1972].

В центре внимания долгое время находилось желаемое число детей. И западные, и российские исследователи признают, что желаемое число детей лучше всего отражает индивидуальную потребность в детях и, следовательно, этот показатель может служить наиболее близким числовым выражением репродуктивной установки детности. Но при этом оно не может служить в качестве показателя точного количества детей к концу репродуктивного периода: в странах с низкой рождаемостью оно всегда будет больше фактического при незначительных колебаниях разницы между ними. Однако необходимо отметить, что желаемое число детей как индикатор установок детности чаще подвергался изучению на макроуровне – на основании анализа тенденций средних значений показателя выявлялась взаимосвязь с уровнем текущей и будущей рождаемости. Работ, направленных на всестороннее изучение желаемого числа детей, выполненных на индивидуальных данных крупномасштабных опросов населения, значительно меньше. Отчасти это связано с тем, что корректный анализ степени успешности реализации предпочтений в отношении числа детей затруднен в связи с высокими требованиями, предъявляемыми к длине панельных данных. Однако лонгитюдные обследования помогли отследить изменение предпочтений на протяжении жизненного цикла и установить, что образование и история занятости на рынке труда наряду с историей создания и распада союзов оказывают существенное влияние на динамику репродуктивных установок (как в сторону их повышения, так и в сторону понижения).

Между желаемым и фактическим числом детей нередко возникает обратная связь. Особенно это характерно для незапланированных рож-

¹ Отмечали это и Р. Фридман и Л. Кумбс: если ожидаемое и желаемое число детей совпадают, то ожидания более стабильны во времени [Freedman, Coombs, 1965].

дений и для тех, кто только вступает в родительство. Однако по мере «привыкания» к новому статусу респонденты нередко возвращаются к прежним установкам. Одни и те же когорты с возрастом могут указывать как меньшее, так и большее число детей в качестве желаемого. Анализ длинных панельных данных о репродуктивных намерениях показал, что австрийские женщины к 30 годам демонстрируют чуть более высокие репродуктивные намерения, чем когда они находились в возрасте 18–25 лет [Prskawetz et al., 2008]. В работе Ф. Хейлэнда [Heiland, Prskawetz, Sanderson, 2008] также отмечается неустойчивость желаемого числа детей – в среднем около 50% респондентов изменили свое мнение о нем ко второй волне обследования (через 7 лет) как в сторону повышения, так и в сторону понижения. Тем не менее авторы наряду с другими исследователями [Westoff, Ryder, 1977] отмечают, что репродуктивные установки имеют большую валидность по сравнению с другими индивидуальными характеристиками и содержат ценную информацию для понимания последующего репродуктивного поведения.

Механизм влияния ценностных установок на дальнейшее фактическое поведение был разработан в теории планируемого поведения И. Айзена и М. Фишбейна [Ajzen, Fishbein, 1980]. В соответствии с этой теорией связь между группами факторов и последующим поведением осуществляют намерения, которые формируются под влиянием трех групп факторов – установок, субъективных норм и значимости для человека внешних обстоятельств (то есть осознания ограничений и возможностей). Намерения как индикатор репродуктивных установок во многом заменили собой показатель ожидаемого числа детей. Фактически оно стало анализироваться применительно к конкретному горизонту планирования, а не на весь репродуктивный период.

Данная работа опирается на весь комплекс теоретических предпосылок исследования репродуктивных установок и в качестве основного теоретического допущения принимает то, что разрыв между установками и фактическим поведением свидетельствует о неудовлетворенной потребности в детях. Величина этого разрыва определяет поле действий политики в области рождаемости.

Эмпирическая база исследования

В России до сих пор ощущается острый дефицит достоверных и репрезентативных для всего населения данных о репродуктивных ориентациях. Фактически их можно найти только в результатах микропереписи 1994 года, причем из нее можно получить информацию только об ожидаемом числе детей. Ориентироваться на результаты многолетних опросов ВЦИОМ [Бодрова, 2002] довольно сложно: во-первых, из-за некоторых сомнений в их достоверности [Население России... 2000],

во-вторых, из-за того, что в публикациях приводятся только средние значения. Поэтому обоснованно говорить о тенденциях норм детности российского населения в постсоветский период мы не можем. Нельзя сказать, в какой мере они снижаются за счет падения доли сторонников трехдетности, а в какой – за счет перехода ориентированных на рождение двоих детей в группу однодетных.

Результаты опроса «Семья и рождаемость» [Семья и рождаемость, 2010], к сожалению, не до конца сопоставимы с РидМиЖ: различия в характере формирования выборки и шкалы ответов¹ затрудняют сопоставление двух обследований. Но главное, что они совпадают в одной немаловажной цифре: почти 60% респонденток обоих опросов предпочитают двухдетную модель семьи. Значит, применительно к женщинам репродуктивного возраста можно с прежней уверенностью говорить о преобладании нормы двухдетности.

Эмпирической основой данной работы выступает выборочное социально-демографическое обследование РидМиЖ², проводимое в разных странах по единой методике и составляющее центральный элемент программы «Поколения и гендер». Анализ основан на пространственной подвыборке за 2007 год. РидМиЖ-2007 содержит вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей (но не имеет вопроса об идеальном размере семьи). Вопрос о желаемом числе детей в анкете сформулирован таким образом, чтобы в нем не содержалось намека на долженствование или зависимость от внешних условий: «Сколько всего детей включая имеющихся, вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия?». Первый вопрос о намерениях касался общего желания респондента родить ребенка: «Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?». Второй вопрос измерял планы родить ребенка в обозримой перспективе: «Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?» (так называемые «ближайшие» репродуктивные намерения). Таким образом, вопрос выявлял потребность в детях, соотносенную с возможностями и другими планами респондента на этот период. Тех респондентов, которые ответили отрицательно, спрашивали о намерении иметь детей когда-либо позже, за пределами трех лет, что позволяло оценить склонность к откладыванию рождения детей. Таким

¹ В выборку обследования «Семья и рождаемость» попали только женщины, имеющие партнера в домохозяйстве (который тоже опрашивался), а также незамужние матери. Бездетные женщины, проживающие без партнера, представлены не были, что привело к смещению выборки в целом [Семья и рождаемость, 2009, таблица 57]. Шкала ответов на вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей включала вариант «трудно сказать» (отсутствующий в РидМиЖ), перетянувший на себя 5,8% ответов по желаемому и 11% ответов по ожидаемому числу детей.

² Подробнее см. Цели и задачи программы на сайте НИСП: <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

образом, в данной работе решалась также и методическая задача: насколько связь между репродуктивными намерениями и будущими рожденьями зависит от способа измерения намерений.

Вопрос об ожидаемом числе детей задавался после вопроса о репродуктивных намерениях и только тем, кто не ответил «определенно нет» на вопрос о том, чтобы когда-либо завести ребенка. Он формулировался следующим образом: «Сколько всего детей (включая имеющихся и текущую беременность) Вы собираетесь иметь?».

Репродуктивные установки в современной России

Во избежание сомнений в неверном толковании вопросов была осуществлена проверка ответов на согласованность – кросс-анализ желаемого и ожидаемого числа детей с числом уже фактически имеющихся показал внутреннюю непротиворечивость результатов. Только 1,7% респондентов указали желаемое число детей меньше фактического и всего 0,6% – ожидаемое меньше фактического. Если применительно ко второму случаю можно говорить о статистической погрешности, то среди первых 40 человек должны быть такие, чье представление о желаемом числе детей могло измениться под влиянием имеющегося опыта рождения и воспитания.

Анализ общих показателей говорит о том, что двухдетный идеал семьи остается доминирующим для россиян, как, впрочем, и для населения большинства развитых стран в мире [Frejka, 2008]. Добровольная бездетность в России по-прежнему не находит распространения, и отсутствие детей считают предпочтительным всего 2% респондентов (см. табл. 1). Сторонников однодетной модели семьи 17% – почти столько же, сколько и трехдетной. Полученное распределение говорит о том, что российское общество чрезвычайно однородно по репродуктивным установкам. Этим оно все еще отличается от ряда развитых стран, где происходит усиление дифференциации норм детности.

Разрыв между средними значениями по желаемому и ожидаемому числу детей составляет всего 0,15 ребенка. О высокой гармоничности установок свидетельствуют и то, что у 80% респондентов оценки желаемого и ожидаемого числа детей совпали. Чаще всего несовпадение встречалось среди тех, кто желал бы завести двоих детей, но собирается иметь одного (8% всей выборки), в два раза реже – среди тех, кто назвал 3 и 2 ребенка соответственно. Однако, если среди ориентированных на двухдетность ожидают рождения одного ребенка 13,5%, то среди назвавших троих детей в качестве желаемого числа уже каждый третий корректирует свои желания в меньшую сторону (ожидаемое число детей равно двум у 23%, одному – у 8%). Можно предполагать, что трехдетность в российском обществе становится все более декларативной установкой.

Таблица 1

**Распределение мужчин и женщин по желаемому и ожидаемому числу детей
в зависимости от уровня завершения образования, % по строке и среднее**

Уровень образования	Желаемое число детей			Ожидаемое число детей						
	Без детей	1	2	3 и более	Среднее	Без детей	1	2	3 и более	Среднее
	Мужчины									
Основное общее и ниже	6,1	20,1	54,7	19,0	1,96	7,9	22,0	47,7	22,4	1,96
Среднее (полное) общее	5,8	18,0	53,0	23,2	2,02	9,1	25,1	50,5	15,3	1,76
Начальное профессиональное	5,2	18,8	54,3	21,7	1,95	7,4	28,5	48,7	15,4	1,77
Среднее профессиональное	4,6	13,3	60,4	21,7	1,99	5,7	22,7	56,7	14,9	1,82
Вышее, вкл. неполное и послевузовское	1,3	14,8	55,3	28,5	2,18	4,6	25,2	53,2	16,9	1,86
	Женщины									
Основное общее и ниже	3,8	20,4	53,8	22,0	1,99	6,4	24,0	45,0	24,6	2,02
Среднее (полное) общее	3,4	17,7	55,2	23,7	2,09	5,5	27,1	50,2	17,2	1,90
Начальное профессиональное	4,0	16,4	53,9	25,6	2,06	4,3	25,5	51,1	19,2	1,89
Среднее профессиональное	3,4	17,4	60,5	18,7	1,98	5,3	32,2	51,0	11,5	1,70
Вышее, вкл. неполное и послевузовское	1,6	18,2	59,2	21,0	2,02	7,0	32,1	49,6	11,4	1,69

Среди мужчин нечетко прослеживается положительная взаимосвязь между желаемым числом детей и достигнутым уровнем образования. Здесь может сказываться эффект дохода – среди мужчин экономическая отдача от образования относительно высока, и значит выше возможности по воспитанию нескольких детей. В связи с тем, что в российском обществе преобладает традиционное распределение ролей внутри семьи, косвенные издержки по воспитанию детей для мужчин остаются низкими почти независимо от уровня образования.

Для женщин характерна перевернутая *U*-образная зависимость желаемого числа детей от достигнутого уровня образования. Тот факт, что желаемое число детей в зависимости от уровня образования меняется слабо, заставляет вспомнить, что различия в фактической рождаемости могут быть обусловлены трансляцией определенной культуры контрацептивного поведения, отношения к незапланированным беременностям и пр. Более образованные мужчины и женщины лучше планируют рождение детей – чаще используют современные методы контрацепции и реже прибегают к такому методу регулирования рождаемости, как аборт [Сакевич, 2009].

Факторами, искажающими форму данной связи, могут быть возраст респондента, характеристики его родительской семьи и место проживания. В частности, определенную роль в формировании этих различий может играть опыт, полученный в детстве. Сравнение числа братьев и сестер у представителей разных образовательных групп показывает, что среди респондентов с высшим образованием доля тех, у кого было не более одного брата или сестры, максимальна. Тогда как в низких образовательных группах выше представительство выходцев из многодетных семей. Это может быть свидетельством подтверждения гипотезы «ловушки низкой рождаемости» – массовое снижение норм детности начинает происходить в тех поколениях и тех социальных группах, которые выросли в малодетном социальном окружении.

Желаемое и фактическое число детей

Доля респондентов, родивших к моменту опроса больше детей, чем входит в их представления о предпочтительном числе детей, невелика. Лучше и быстрее всего представления о желаемом числе детей реализуются в том случае, если это один ребенок (см. табл. 2). Среди предпочитающих однодетность почти 70% уже выполнили свою репродуктивную программу, а при переходе к предпочтениям в два и более детей фактическое число рождений у всё большей доли опрошенных отклоняется от желаемого. Среди назвавших рождение двоих детей наиболее желательным вариантом многие уже родили одного ребенка (44%) и еще 35% полностью реализовали свое представление о желаемом числе детей.

Таблица 2

**Фактическое число уже рожденных детей в зависимости
от желаемого числа детей, %**

<i>Желаемое число детей (среди ответивших респондентов)</i>	<i>Общее число рожденных детей</i>					<i>Всего</i>
	<i>0</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4 и более</i>	
0	0,9	0,3	0,6	0,2	0,0	2,0
1	5,2	11,9	0,2	0,0	0,0	17,4
2	11,9	26,2	20,9	0,2	0,1	59,3
3	2,5	4,6	6,7	3,9	0,0	17,7
4 и более	0,7	0,5	0,9	0,8	0,7	3,7
Всего	21,3	43,3	29,4	5,1	0,9	100,0

Источник: РидМиЖ-2007

Таким образом, по данным 2007 года фактическое число детей совпадало с желаемым примерно у трети мужчин и женщин. Так как мы проводим анализ в условных поколениях и среди тех, кто еще не завершил свой репродуктивный период, то необходимо понимать, что этот разрыв во многом обусловлен календарем рождений.

Особый интерес вызывает вариация разрыва между нормативным и фактическим репродуктивным поведением по социальным группам населения. В ходе предварительного анализа рассматривались группы населения с разным уровнем образования, положения на рынке труда и материальным достатком. Различия в репродуктивном поведении населения сильнее всего проявились в разрезе уровня образования, поэтому здесь был оставлен только этот фактор (см. табл. 3).

Исходя из данных о желаемом и фактическом числе детей, можно говорить о том, что лица с высшим образованием демонстрируют наибольшее расхождение между ними. Это непосредственно транслируется в более высокие, чем у представителей других образовательных групп, намерения завести детей, в том числе в ближайшие три года. Однако не следует преувеличивать значение этих намерений, поскольку далеко не все они будут реализованы¹. Скорее всего, высокообразованные мужчины и женщины, предпочитая инвестировать больше времени и средств

¹ По данным панели РидМиЖ 2004–2007 только 39% женщин, в 2004 году выразивших определенное желание завести ребенка в течение ближайших трех лет, родили его в 2004–2007 годах [Синявская, Тындик, 2009].

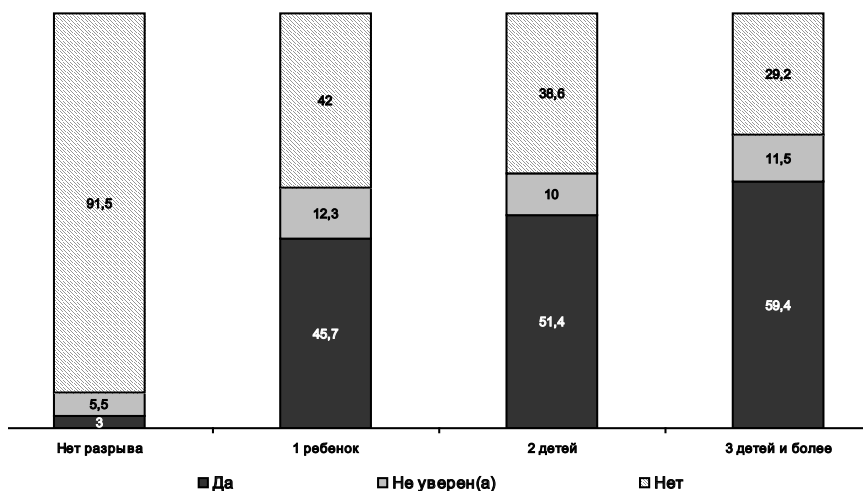
в развитие каждого ребенка, всегда будут иметь меньшее число детей. Тем не менее столь большой разрыв свидетельствует о существовании определенных барьеров на пути реализации намерений высокообразованных. Это может быть связано как с высокими издержками времени на воспитание и уход за детьми, так и с трудностями совмещения женской занятости и материнства, особенно проявляющимися для ориентированных на карьеру женщин с высшим образованием.

Таблица 3

**Разница между желаемым и фактическим числом детей
по образовательным группам, % по строке**

<i>Уровень образования</i>	<i>Разрыв между желаемым и фактическим числом детей</i>				
	<i>Отрицательный</i>	<i>Нет разрыва</i>	<i>На 1 ребенка</i>	<i>На 2 детей</i>	<i>На 3 детей и более</i>
<i>18–29 лет</i>					
Основное общее и ниже	0,6	11,0	38,3	43,5	6,5
Среднее (полное) общее	0,2	8,0	26,2	49,9	15,7
Начальное профессиональное	0,3	13,0	44,5	35,8	6,4
Среднее профессиональное	0,4	15,4	38,0	37,7	8,5
Высшее, вкл. неполное и послевузовское	0,0	5,9	29,2	49,6	15,3
<i>30–39 лет</i>					
Основное общее и ниже	1,7	48,0	24,5	18,5	7,2
Среднее (полное) общее	2,3	42,2	36,7	13,2	5,6
Начальное профессиональное	2,2	39,8	41,8	12,2	4,1
Среднее профессиональное	2,6	42,7	40,1	12,7	1,8
Высшее, вкл. неполное и послевузовское	1,0	30,7	39,6	22,6	6,1
<i>40–49 лет</i>					
Основное общее и ниже	13,4	62,9	15,7	7,9	0,0
Среднее (полное) общее	7,4	62,3	21,1	5,6	3,6
Начальное профессиональное	5,6	63,7	20,9	7,2	2,7
Среднее профессиональное	4,8	64,8	23,8	4,4	2,3
Высшее, вкл. неполное и послевузовское	3,1	53,9	31,4	8,8	2,8

Как было отмечено выше, разрыв между желаемым и фактическим числом детей отражает неудовлетворенную потребность в детях и в каждый конкретный период времени транслируется в репродуктивные намерения. В соответствии с ответом на общий вопрос доля желающих иметь ребенка в настоящий момент варьирует в зависимости от величины разрыва между желаемым и фактическим числом уже имеющихся детей (рис. 1). Она составляет 46, 51 и 57% соответственно для тех, у кого этот разрыв составляет 1, 2 или 3 и больше детей.

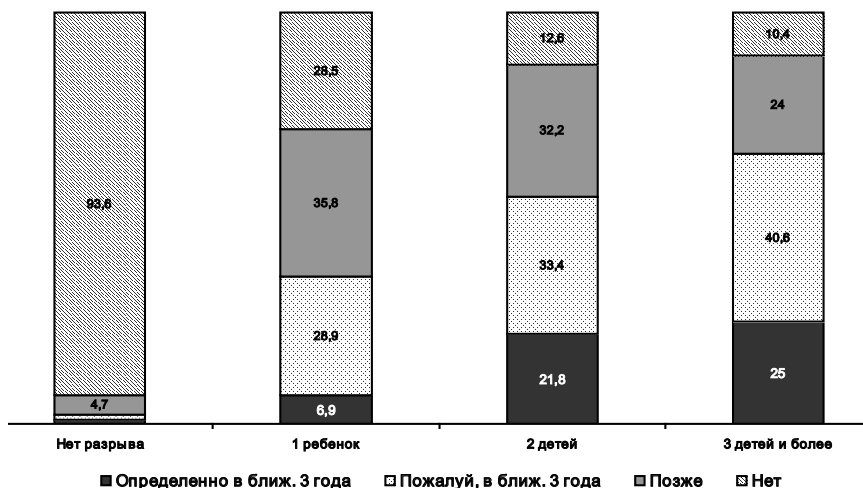

Источник: РИДМиЖ-2007

Рис. 1. Общие репродуктивные намерения женщин в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей

Более тонкий инструмент интегральных репродуктивных намерений также демонстрирует, что чем выше разрыв, тем сильнее намерения, и в том числе – на ближайшие 3 года (рис. 2). Доля уверенных в своем желании родить ребенка в течение трех лет составляет всего 7% среди тех респондентов, у кого желаемое число детей превышает фактическое на 1 ребенка, и уже 22% среди тех, у кого эта разница равна 2 детям. Однако при дальнейшем увеличении разрыва эта доля увеличивается совсем незначительно – до 25%. Менее уверенные в своих намерениях составляют в каждой из групп 29, 33 и 41% соответственно. Доля желающих отложить рождение за границу трехлетнего периода плавно снижается

по мере увеличения неудовлетворенной потребности в детях – с 36 до 24%. Желание родить еще одного ребенка при всех необходимых условиях не находит своего отражения в реальных репродуктивных планах чуть менее чем у трети женщин. Таким образом, можно говорить о том, что репродуктивные установки, выражаемые через желаемое число детей, и фактические намерения родить ребенка хорошо согласованы между собой.

Источник: РИДМИЖ-2007

Рис. 2. Интегральные репродуктивные намерения женщин в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей

В мировом демографическом сообществе не сложилось единого мнения о том, каков механизм влияния политики на рождаемость. Вопрос заключается в том, способна ли она изменить только календарь рождений (то есть все появившиеся на свет дети родились бы и без введения политических мер, но, скорее всего, позже); либо она позволяет более полно реализовать репродуктивные установки (то есть устраняет барьеры на пути рождения желанных детей); или же она может изменить сами репродуктивные установки населения в сторону их повышения. В последнем случае предполагается, что сначала возрастает желаемое число детей, а затем происходит его реализация.

Результаты эмпирических исследований [см. обзор, напр.: Neyer, 2003] дают основания полагать, что влияние политики выходит за пределы тайминговых сдвигов в рождениях, и можно говорить как минимум о более

полном удовлетворении потребности в детях. Однако примеров устойчивой трансформации самих репродуктивных установок на массовом уровне (в странах с низкой рождаемостью) вообще не так много. Политика не может напрямую спровоцировать устойчивый рост репродуктивных установок на массовом уровне, однако она способна косвенно действовать в сторону их повышения в будущих поколениях за счет их более полной реализации у поколений нынешних. Таким образом, традиционным пониманием задач политики остается сокращение разрыва между репродуктивными установками и фактическим поведением населения¹.

В связи с этим необходимо учитывать различия в текущем уровне реализации репродуктивных установок среди мужчин и женщин в зависимости от достигнутого ими уровня образования. Как было показано выше, наибольший разрыв наблюдается у тех мужчин и женщин, кто имеет высшее образование. Введение ряда дополнительных мер семейной политики, наиболее привлекательных именно для этой конкретной группы, позволило бы сократить его. В их числе должны оказаться меры как в сфере занятости и рынка труда (увеличение гибкости родительских отпусков, например за счет дифференциации длительности оплачиваемого отпуска в зависимости от степени его покрытия); так и в сфере услуг (развитие новых форм по предоставлению услуг по уходу за ребенком, таких как семейные детские сады, группы неполного дня). Немаловажными в этом контексте будут пропаганда гендерного равенства на уровне семьи и поощрение института отцовства.

Таким образом, высокая однородность репродуктивных установок продолжает сохраняться во всех социальных группах населения. Дальнейшая их трансформация в российском обществе может пойти как в сторону их общего снижения, так и в сторону дифференциации – в таком случае, увеличение доли тех, кто предпочитает позднее рождение единственного ребенка, будет компенсироваться стабильным числом более молодых матерей с двумя и более детьми. Именно такая картина наблюдается в некоторых развитых странах с уровнем воспроизводства населения близким к простому.

Система индивидуальных репродуктивных установок, изученная на данных российского обследования, показала внутреннюю непротиворечивость установок. Чем ниже желаемое число детей, тем выше вероятность того, что оно будет достигнуто – другими словами, чтобы с высокой вероятностью иметь двоих детей женщина должна быть ориентирована как минимум на рождение троих. Диссонанс между желаемым и ожидаемым числом детей чаще всего выявляется среди женщин ориентированных на трехдетность. Однако в отношении ко всей выборке более значимо

---

¹ Последние работы по данной тематике уделяют внимание тому, что фактически существует два разрыва – между желаемым и ожидаемым числом детей и между ожидаемым и фактическим [Miller, 2011]. Таким образом, они сильнее дифференцируют сферы влияния разных политических мер.

число тех, кто при всех необходимых условиях имел бы двоих детей, а планирует рождение только одного ребенка. На этом промежутке между одним и двумя детьми должно быть сосредоточено пристальное внимание как исследователей, так и политиков.

Потенциальный уровень повышения рождаемости определяется величиной разрыва между желаемым и фактическим числом детей у мужчин и женщин. Вариация этого разрыва по социальным группам населения должна определять приоритеты политики, а именно: необходимость увеличения внимания к интересам группы высокообразованных мужчин и женщин, испытывающих наибольшую неудовлетворенную потребность в детях. Переориентация курса поддержки родительства с мер материального стимулирования рождаемости на меры, способствующие совмещению родительства и занятости, будет способствовать повышению рождаемости в этой группе населения.

Список источников

Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М.: ТЕИС, 2006.

Белова В.А., Дарский Л.Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.

Бодрова В.В. Сколько детей хотят иметь россияне? // Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2002. № 81–82 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>

Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.

Зверева Н.В. Изучение народонаселения в отечественной науке в 1960–1980-е гг. (Становление общей теории народонаселения): дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.18. М., 2000.

Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад; отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2000.

Сакевич В.И. Особенности внутрисемейного контроля рождаемости в России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2009. Вып. 2. С. 119–138.

Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год // Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.

Синявская О.В., Тындик А.О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП, 2009. Вып. 2. С. 9–44.

Ajzen I., Fishbein M. Understanding Attitudes and Predicting Behaviour. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1980.

Freedman R., Coombs L.C. Stability and Change in Expectations about Family Size: A Longitudinal Study // Demography. 1965. Vol. 2. P. 250–275.

- Frejka T.* Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of the Two-Child Family Model? // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19(4). P. 47–72.
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W.C.* Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // *European Journal of Population*. 2008. Vol. 24(2). P. 129–156.
- Inglehart R.* *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies.* Princeton, NJ, 1997.
- Lesthaeghe R.J., Neidert L.* The Second Demographic Transition in the United States: Exception or Textbook Example? // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32. № 4. P. 669–698.
- Lutz W. et al.* The Low-Fertility Trap Hypothesis: Forces that May Lead to Further Postponement and Fewer Births in Europe // *Vienna Yearbook of Population Research* 2006. P. 167–192.
- Miller W.B.* Comparing the TPB and the T-D-I-B Framework // *Vienna Yearbook of Population Research*, 2011. P. 19–29.
- Neyer G.* Family Policies and Low Fertility in Western Europe // *Journal of Population and Social Security (Population)*. 2003. Vol. 1. P. 46–93.
- Prskawetz A. et al.* Austria: Persistent Low Fertility since the mid-1980s // *Demographic Research*. 2008. Vol. 19. № 12. P. 293–359.
- Sobotka T., Zeman K., Kantorová V.* Demographic Shifts in the Czech Republic after 1989: A Second Demographic Transition View // *European Journal of Population*. 2003. Vol. 19. P. 249–277.
- Testa M.R., Grilli L.* The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis // *European Demographic Research Papers*. 2004. Vol. 4. P. 99–127.
- Testa M.R., Sobotka T., Morgan P.S.* Reproductive Decision-Making: towards Improved Theoretical, Methodological and Empirical Approaches // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2011. Vol. 9. P. 1–9.
- van de Kaa D.J.* Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior // *Population and Development Review*. Vol. 27: Supplement: Global Fertility Transition. 2001. P. 290–331.
- Vienna Yearbook of Population Research*. 2011. Special Issue on Reproductive Decision-Making.
- Westoff C.F., Ryder N.B.* The Predictive Validity of Reproductive Intentions // *Demography*. 1977. Vol. 14. № 4. P. 431–453.

Алла Олеговна Тынди́к

аспирантка экономического факультета МГУ им. Ломоносова

электронная почта: al.tyndik@gmail.com
